

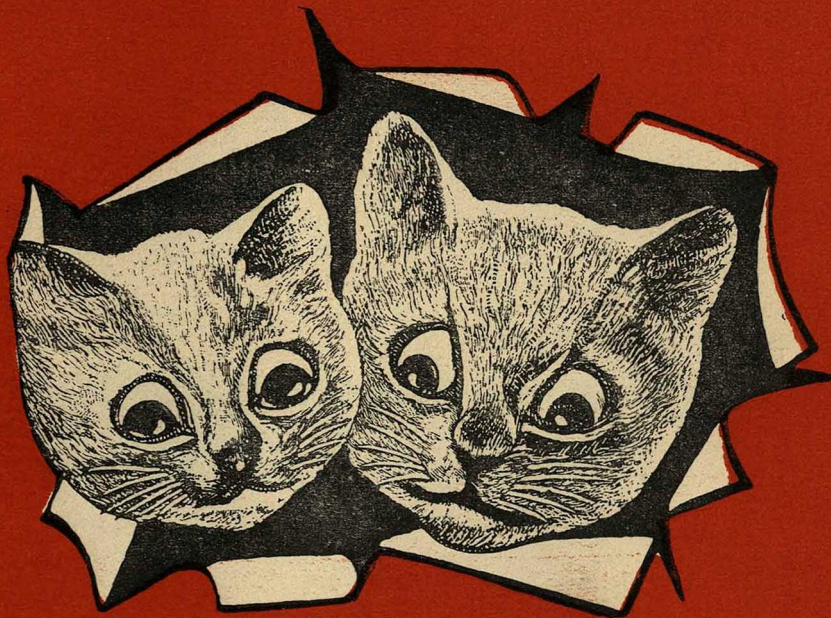
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущень къ выпискѣ въ ученическія
библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія пятый.

СЕНТЯБРЬ.

№ 22.

1912.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

НАЧАЛО ОСЕНИ.
ВОСПОМИНАНІЯ СЛОНА.
ВЪ ДОЖДЬ.
ОДНИ (повѣсть).
ГОЛОВЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Гостиная и кабинетъ для склеиванія.
„Въ уютномъ уголкѣ“ (листъ 10-й).

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

У открытаго окна.

НАЧАЛО ОСЕНИ.

Золотистыя груши поспѣли въ саду;
Гнутся вѣтки отъ яблокъ тяжелыхъ...
По тропинкѣ любимаго сада иду...
Стихли пѣсни на пажитяхъ голыхъ.

И трава по дугамъ пожелтѣла вдали,
Соловья на зарѣ ужъ не слышно
И цвѣты всѣ на клумбахъ уже отцвѣли,
Только астры растутъ еще пышно.

По утрамъ такъ прохладно и бѣлый туманъ
Надъ рѣкой поднимается къ ночи...
И вчера пролетѣлъ журавлей караванъ,
А деньки все короче, короче!..

А. Н.

ВОСПОМИНАНІЯ СЛОНА.

Старый слонъ вздохнулъ и съ грустью поглядѣлъ на окружавшихъ его молодыхъ слонѡвъ. Была глубокая ночь, съ темнаго неба свѣтили яркія звѣзды и высокія пальмы тихонько шелестѣли въ вышинѣ своими остроконечными листьями. Было душно и жарко, кругомъ стрекотали насѣкомыя и гдѣ-то далеко—далеко, по ту сторону рѣки, горѣлъ огонекъ. Около него дремали люди.

— Вы думаете, что счастье въ томъ, чтобы вкусно поѣсть или попить свѣжей, чистой воды? началъ старый слонъ.— Или, быть можетъ, въ томъ, чтобы ходить въ вышитой блестками попонѣ или въ до-

рогихъ персидскихъ коврахъ? Нѣтъ, счастье не въ этомъ. Мнѣ уже около пятисотъ лѣтъ, я пожилъ на свѣтѣ и могъ-бы рассказать вамъ многое, что видѣлъ или что слыхалъ за всю свою долгую жизнь...

— Расскажи, расскажи!.. закричали хоромъ молодые слоны.

Старый слонъ откашлялся, прислонился однимъ бокомъ къ стволу пальмы и, опустивъ свой хоботъ чуть не до самой земли, началъ свой рассказъ.

— Это было около четырехсотъ лѣтъ тому назадъ, заговорилъ онъ.— Тогда я былъ еще молодымъ слонѡмъ и вся жизнь казалась мнѣ

прекрасной, незамысловатой и полной надеждъ впереди. Какъ и всѣ вы, я служилъ тогда челоуѣку. Это былъ могущественный индѣйскій властитель, передъ которымъ распростирались ницъ его подданные индусы и богаче котораго, говорили, не было ни одного челоуѣка на всемъ Востокѣ. Онъ любилъ меня, кормилъ меня отборнымъ зерномъ и, когда ѣздилъ на мнѣ, то покрывалъ меня роскошными тканями и украшалъ мою голову драгоценными камнями. И мнѣ казалось, что я былъ тогда лучше всѣхъ, и что безъ этого отборнаго корма и этихъ тканей и драгоценныхъ камней не могло быть счастья на землѣ. И когда мимо меня проходилъ какой-нибудь другой слонъ бѣдняка, который былъ покрытъ одной только рогожей, то онъ казался мнѣ жалкимъ, и я качалъ головой и говорилъ:— „Несчастный! Какъ, должно быть, плоха и неинтересна твоя жизнь!“

Мой повелитель жилъ въ роскошномъ дворцѣ на краю города, такъ что дворцовые сады выходили въ поле. Черезъ сады текла рѣчка и громадныя мраморныя лѣстницы вели отъ павильоновъ прямо къ водѣ. По аллеямъ неслышно ходили рабы и ожидали приказаний. Воины стерегли входы и стояли на часахъ вокругъ всего дворца и парка. И всѣ они, какъ и я, повиновались моему господину, одѣтому всегда въ золотыя одеж-

ды, на которыхъ сверкали бриллианты, аметисты и бирюза. Когда онъ проходилъ мимо, то всѣ распростирались передъ нимъ ницъ и мнѣ было пріятно, что у меня былъ такой могущественный и богатый господинъ. Звали его—Надиръ.

У Надира былъ братъ, Абдерраманъ. Онъ завидовалъ его богатству и славѣ и только и ждалъ того момента, когда Надиръ умретъ и послѣ него все достанется ему, такъ какъ Надиръ былъ бездѣтенъ и Абдерраманъ считался его наслѣдникомъ.

И вдругъ у Надира родился сынокъ. Не могу выразить вамъ той радости, которая наполнила наши сердца. Абдерраманъ былъ жестокъ и мы были теперь рады, что послѣ нашего повелителя все достанется теперь не ему, а нашему новому, законному наслѣднику Бабуру.—Но и Абдерраманъ не дремалъ. Недѣлю спустя, въ темную ночь, я захотѣлъ пить и отправился къ рѣкѣ. Набравъ полный хоботъ воды, я изогнулъ его къ себѣ, раскрылъ ротъ и прыснулъ въ него изъ хобота всю воду, которую и проглотилъ. Какъ вдругъ около меня кто-то пробѣжалъ. Я приглядѣлся. У насъ, слоновъ зрѣніе прекрасное и потому я легко разглядѣлъ, что это былъ Абдерраманъ. Онъ держалъ на рукахъ какой-то свертокъ. Оглядываясь по сторонамъ и боясь, какъ-бы его не

замѣтилъ никто, онъ побѣжалъ вдоль рѣки и исчезъ въ ея камышахъ. Чую что-то недоброе, я тихонько послѣдовалъ за нимъ и спрятавшись за большимъ кустомъ, сталъ издали за нимъ наблюдать. Онъ быстро развернулъ свой узелокъ и я увидалъ, что это былъ ребенокъ—нашъ законный наслѣдникъ, Бабуръ. Поднявъ его кверху и размахнувшись имъ, онъ вдругъ бросилъ его въ рѣку. Я хотѣлъ было подскочить къ нему и помѣшать, но было уже поздно. Забравши пеленки ребенка, Абдерраманъ отбѣжалъ въ сторону, быстро развелъ огонь и сжегъ ихъ, чтобы скрыть слѣды своего преступленія. А затѣмъ онъ убѣжалъ. Я приблизился къ самому берегу рѣки, схватилъ своимъ пальцемъ на хоботѣ ребенка за руку и вытащилъ его изъ воды. Къ сожалѣнію, я самъ завязъ въ тинѣ по самое брюхо и не могъ двинуться съ мѣста. Если-бы ребенокъ былъ въ рубашкѣ, то я такъ-бы и держалъ его за нее, но онъ былъ голенькій, за него нельзя было ухватиться, и я такъ и держалъ его за ручку надъ водой до самаго утра. Ему было больно, онъ плакалъ, но дѣлать было нечего, и я терпѣливо ожидалъ, когда ко мнѣ придетъ на помощь человекъ и возьметъ отъ меня малютку. И вотъ проѣхалъ мимо на лодкѣ рыбакъ. Увидѣвъ меня, онъ подплылъ ко мнѣ, взялъ у меня изъ хобота ре-

бенка и положилъ его къ себѣ въ лодку.

— Вотъ счастливая находка! сказалъ онъ.—Слонъ спасъ чьего-то ребенка У меня и у моей жены нѣтъ вовсе дѣтей, возьму-ка я его себѣ!

Я захрапѣлъ, замоталъ хоботомъ, замигалъ глазами и сталъ указывать ему въ сторону нашего дворца, но онъ не понялъ меня, взмахнулъ веслами и скоро скрылся за поворотомъ рѣки. Но у насъ, слоновъ, превосходная память и я отлично запомнилъ его лицо. А тѣмъ временемъ меня все больше и больше засасывала тина и я сталъ уже думать о самомъ себѣ и ожидать, когда меня хватятся дома и прибѣгутъ ко мнѣ на помощь. Такъ я пролежалъ въ тинѣ до полудня. А затѣмъ прибѣжали люди, намостили вокругъ меня досокъ, откопали меня, и я выбрался на свободу.

Когда я возвратился домой, то засталъ тамъ слезы и уныніе. Мой повелитель горевалъ и съ нимъ плакали всѣ его приближенные. Никто не зналъ, куда дѣвался его маленькій сынокъ. Во всѣ стороны были посланы гонцы, мамки ползали у ногъ Надира и просили у него прощенія, и только одинъ Абдерраманъ спокойно ходилъ по дворцу и притворно всѣхъ утѣшалъ:

— Ничего, говорилъ онъ.—Ребенокъ найдется!.. Не нужно такъ горевать!

А мой повелитель, схватившись за голову, ударялся по индѣйскому обычаю лбомъ о стѣну и все повторялъ:—

— Бѣдный, бѣдный, маленькій Бабуръ! Его сегодня ночью украли и никто не знаетъ теперь, какова будетъ его судьба!

Я подошелъ къ нему, хотѣлъ рассказать ему все, указывалъ ему хоботомъ то на Абдеррамана, то на берегъ рѣки, то на опустѣвшую колыбель, но онъ не понималъ меня, а я не умѣлъ говорить по человѣчьи, и такъ эта исторія и осталась неизвѣстной никому. Наслѣдникъ Надира безъ вѣсти пропалъ и Абдерраманъ по прежнему занялъ его мѣсто. Но торжество его продолжалось недолго. Годъ спустя, онъ тяжело заболѣлъ и умеръ и всѣ, зная, что онъ былъ золъ, не оплакали его. Только одинъ мой повелитель очень тосковалъ по немъ и часто говорилъ:— „У меня пропалъ сынъ, а теперь скончался и братъ! Теперь на всей землѣ я остался одинъ!“

Но судьба распорядилась иначе: полъ-года спустя, у Надира родился другой сыночекъ—Сеннахоръ. Это былъ мальчикъ скорѣе похожій на ангела, чѣмъ на человѣка. Его глаза блестѣли, какъ звѣзды въ темную ночь, и его кудри волновались отъ вѣтерка такъ, какъ волны у береговыхъ камней. Отецъ и мать обрадовались ему и стали воспитывать его,

какъ тепличный цвѣтокъ. Потерявъ одного сына, они стали бояться за другого и рѣдко выпускали его на воздухъ. Сеннахоръ и такъ происходилъ отъ цѣлаго ряда индѣйскихъ принцевъ, которые всю жизнь свою проводили въ нѣгѣ въ молчаливой тѣни дворцовъ, одѣтые въ шелкъ и усыпанные драгоценными камнями, и дыша разслабляющимъ ароматомъ, которымъ были наполнены ихъ тихіе, мраморные дворцы. Ихъ члены были вялы, ихъ красота была только въ ихъ темныхъ, очаровательныхъ глазахъ, сами-же они были слабы и хилы и достаточно было малѣйшей случайности, чтобы они заболѣвали и переставали жить. Происходя отъ нихъ, маленькій Сеннахоръ тоже былъ вялъ и слабъ. Онъ не улыбался никогда. Десятилѣтнимъ мальчикомъ, онъ уже умѣлъ тосковать и задумываться по цѣлымъ часамъ. Онъ никогда не игралъ въ игрушки, не бѣгалъ, рѣдко и мало говорилъ. Въ немъ не было того веселаго птичьяго щебетанья, которымъ всегда отличаются дѣти даже простыхъ рабовъ. Мой повелитель боялся, какъ-бы онъ не зачахъ, и чтобы хоть чѣмънибудь развлечь ребенка, приказывалъ одѣвать его въ богатые одежды и всѣмъ своимъ подданнымъ распростираться передъ нимъ ницъ.

Каждое утро, какъ предписали Тибетскіе и Персидскіе врачи, Сен-

нахора водили гулять въ поле. Я тоже ходилъ съ нимъ.

— Джимбо, всякій разъ обращался ко мнѣ мой повелитель,—ты умный слонъ. Поручаю моего сына тебѣ. Охраняй его!

И я его охранялъ.

Сеннахора выносили въ паланкинѣ. Растянувшись на мягкихъ шелковыхъ подушкахъ, онъ лежалъ въ этомъ паланкинѣ и изъ за своихъ занавѣсокъ грустно поглядывалъ на Божій міръ. Четыре негра несли его черезъ поле и онъ не видѣлъ ни его лиловыхъ далей, ни группъ остролистныхъ пальмъ, тамъ и сямъ поднимавшихся у воды, ни вереницъ журавлей, летѣвшихъ высоко подь облаками. Онъ скучалъ. Въ его годы дѣти обыкновенно лазаютъ по деревьямъ, строгаютъ ножикомъ палочки или запускаютъ змѣй, а онъ не зналъ этого ничего. Все свое дѣтство онъ проводилъ въ праздности и одинъ, и только лежалъ на вышитыхъ подушкахъ и думалъ и, казалось, не было конца его одинокимъ думамъ.

Каждый разъ, когда Сеннахора выносили гулять, намъ поподался на встрѣчу мальчикъ лѣтъ одиннадцати — пастухъ. Онъ стерегъ овецъ и ословъ, игралъ на свирѣли, бѣгалъ за своими животными, катался по травѣ и, хотя и былъ тоже одинокъ, но, повидимому, не скучалъ и звонко смѣялся, когда я проходилъ мимо него.

— Смотрите, смотрите, кричалъ онъ,—какой у этого слона спереди длинный хвостъ!

Когда мимо него проносили Сеннахора, то онъ сразу же стихалъ и падалъ передъ нимъ ницъ. Иногда Сеннахоръ бросалъ ему мелкую монету, мальчикъ поднималъ ее съ земли, быстро клалъ ее себѣ въ карманъ и говорилъ:—

— Значить, сегодня у моихъ отца и матери будетъ хлѣбъ.

И чѣмъ чаще онъ встрѣчался Сеннахору, тѣмъ все болѣе и болѣе привязывался къ нему, и по ихъ добрымъ, голубымъ глазамъ я скоро могъ замѣтить, что между имъ и Сеннахоромъ установилась нѣжная, близкая дружба.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ его разъ Сеннахоръ.

— Ирзебъ, отвѣчалъ пастухокъ.—Мой отецъ рыбакъ и живетъ въ десяти верстахъ отсюда. Я же пасу стада овецъ и ословъ и получаю за это одежду и пропитаніе.

Однажды Ирзебъ взялъ маленькаго козлика и, свернувши ноги калачикомъ, посадилъ его къ себѣ на колѣни и сталъ ожидать. Какой-то планъ созрѣлъ у него въ головѣ и онъ только старался набраться смѣлости, чтобы сообщить о немъ Сеннахору. Вамъ вѣдь извѣстно, какъ забавны и веселы бываютъ маленькія козочки. Я думаю, вы не разъ видѣли, какъ онѣ охотно играютъ съ дѣтьми! Такъ

и теперь. Ирзѣбъ сидѣлъ у дороги и вслухъ разговаривалъ самъ съ собою:

— Можетъ быть, этотъ козликъ развеселитъ Сеннахора! У него есть все, что только онъ ни пожелаетъ: и золото, и серебро, и дорогія игрушки. Но такого козлика у него, вѣроятно, нѣтъ. Вообще у него нѣтъ всего того, что дѣлаетъ меня счастливымъ. Онъ не бѣгаетъ по этой травѣ, не ѣздитъ на ослахъ, не играетъ съ барашками... У него нѣтъ моей свирѣли и ему никогда не хочется ѣсть...

У слоновъ отличный слухъ и я слышалъ все это отъ слова до слова. Когда мы подошли къ Ирзѣбу, то онъ быстро вскочилъ на ноги, постоялъ немного, а потомъ робко подошелъ къ паланкину и протянулъ своего козлика къ Сеннахору. Оба мальчика посмотрѣли одинъ на другого и нѣкоторое время молчали. Одинъ былъ удивленъ, что къ нему обращается такой ничтожный человѣкъ, какъ пастухъ, а другой не смѣлъ говорить.

— Сынъ моего повелителя! вдругъ прервалъ молчаніе Ирзѣбъ и протянулъ къ Сеннахору козленка.—Это, очень веселый козликъ! Не желаешь-ли ты его взять себѣ? Я былъ-бы очень радъ!..

И точно для того, чтобы доказать, что онъ дѣйствительно былъ забавенъ, козленокъ выскочилъ

изъ рукъ Ирзеба прямо въ паланкинъ и, схвативши ртомъ одну изъ подушекъ, выпрыгнулъ съ нею на землю и забѣгалъ на заднихъ ножкахъ. Все засмѣялись.

— Хорошо... отвѣтилъ Сеннахоръ.—Я возьму его себѣ. Но почему ты мнѣ его отдаешь?

— Прости меня, смутился Ирзѣбъ,—но мнѣ такъ жаль видѣть, что ты скучаешь одинъ! Быть можетъ, этотъ козликъ развеселитъ тебя и ты не будешь скучать...

Сеннахоръ протянулъ къ нему монету.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. быстро заговорилъ Ирзѣбъ.—Я не хочу больше брать отъ тебя денегъ! Пусть не думаетъ никто, что я подслуживаюсь къ тебѣ изъ-за денегъ!

Въ это время козленокъ вмѣстѣ съ подушкой снова вспрыгнулъ въ паланкинъ. Сеннахоръ заулыбался и закивалъ Ирзѣбу головой:

— Хорошо!.. отвѣтилъ онъ.—Я еще встрѣчусь съ тобой не разъ!..

На слѣдующій день Сеннахора снова вынесли на лугъ. Когда его несли по травѣ, то въ это время Ирзѣбъ лихо мчался на одномъ изъ ословъ. Увидѣвъ сына своего повелителя, онъ остановился и тотчасъ-же спрыгнулъ на землю.

— Какъ ты не боишься? обратился къ нему Сеннахоръ.—Вѣдь ты безъ сѣдла!

— А что-жъ такое? весело отвѣтилъ ему Ирзѣбъ.—Не желаешь-

Въ своемъ кругу.

Поздняя осень.

ли покататься и ты? Мои ослы такіе смиренные! Попробуй!

Это вольное обращеніе въ первую минуту смутило Сеннахора и его людей. Но ему было всего только десять лѣтъ и какъ-бы онъ ни былъ избалованъ богатствомъ и почтительностью своихъ рабовъ, онъ все таки былъ еще мальчикъ и для него не ко всему еще пропаль интересъ. Никогда не испытывавъ въ жизни даже и сотой доли той радости, которую испытывалъ теперь Ирзебъ, онъ позабывалъ ему и ему въ первый разъ въ жизни вдругъ захотѣлось выскочить изъ паланкина, пробѣжаться по травѣ, поразмяться и онъ неожиданно приказалъ вдругъ своимъ неграмъ остановиться и опустить его на землю. Тѣ съ удивленіемъ повиновались. Я подошелъ къ нему и вывелъ его на воздухъ. Развѣ я не былъ приставленъ къ нему, чтобы его охранять?

Вступивъ въ первый разъ на голую землю, Сеннахоръ почувствовалъ себя, какъ на водѣ. Онъ закачался, испугался и, привыкшій ступать только по коврамъ и любоваться нашей величественной природой только изъ окна, да изъ-за занавѣсокъ паланкина, онъ въ первую минуту не зналъ, что дѣлать. Но я ободрилъ его, поддержалъ и онъ скоро освоился и робко подошелъ къ ослу.

— Смѣлѣй, смѣлѣй! обратился

къ нему Ирзебъ.—Заноси ногу ослу за спину. Вотъ такъ! Теперь влѣзай на осла самъ!

Я помогъ Сеннахору взобраться на осла. Бѣдняжка, онъ держался на немъ, какъ былинка на камнѣ, и своими тонкими, прозрачными пальчиками ухватился за его гриву. Вскочивъ на другого осла, Ирзебъ свистнулъ и они помчались. Ослы понеслись во весь духъ и только слышно было, какъ въ испугѣ заговорили между собою негры, да какъ Сеннахоръ повторялъ:—

— Не такъ скоро!.. Подожди!.. Я упаду!..

— Ничего, не бойся! отвѣчалъ ему Ирзебъ.—Я около тебя и тебя поддержу!

Но Сеннахоръ могъ быть полнымъ спокоенъ. Рядомъ съ нимъ бѣжалъ я и всегда готовъ былъ его поддержать, если-бы ему вздумалось упасть.

Но онъ такъ и не упалъ. Это ободрило его. Они еще долго скакали вдвоемъ, при чемъ Ирзебъ держалъ его за талию, и, чувствуя около себя этого пастуха, Сеннахоръ съ каждой минутой привыкалъ къ нему уваженіемъ и что-то братское стало сблизать ихъ между собою. Окончивъ свою скачку, Ирзебъ прыгнулъ съ своего осла и перекувырнулся черезъ голову на травѣ. Сеннахоръ нерѣшился этого сдѣлать. Онъ посмотрѣлъ съ грустью на свою до-

рогую одежду, расшитую золотомъ и шелками, и въ первый разъ за всю его жизнь она показалась ему стѣснительной и ненужной.

— Такъ ты сними съ себя ее совсѣмъ! посоветовалъ ему Ирзебъ.—То ли дѣло въ одной рубашкѣ и въ штанахъ! Мы будемъ съ тобой кувыркаться, играть въ чехарду. Я научу тебя играть на свирѣли, а потомъ мы будемъ вмѣстѣ купаться въ рѣкѣ, плавать и нырять...

Всегда печальный, Сеннахоръ вдругъ улыбнулся во все лицо. Онъ никогда не имѣлъ ни друга, ни брата, не зналъ, что такое совместная игра,—и вдругъ этотъ бѣдный, маленькій пастушокъ предлагалъ ему столько удовольствій заразъ. Неужели бѣдные пастухи могутъ быть счастливѣе своихъ владыкъ?

Возвратившись домой, онъ отправился къ своему отцу. Завидѣвъ на его лицѣ румянецъ, котораго у него не было никогда, и замѣтивъ въ глазахъ своего сына какой-то особенный блескъ, Надиръ подвелъ его поближе къ окну и спросилъ:

— Что ты дѣлалъ сегодня утромъ? Гдѣ ты былъ?

— Я игралъ... отвѣтилъ Сеннахоръ.

— Съ кѣмъ? Гдѣ?

— Я игралъ на лугу, съ маленькимъ пастухомъ. Мы катались вмѣстѣ на ослахъ и онъ общалъ

скоро научить меня плавать и нырять!

Надиръ нахмурилъ брови.

— Нырять?! строго переспросилъ онъ.

Но, замѣтивъ, какъ весель и счастливъ былъ его сынъ, онъ не сказалъ ему больше ни слова и молча вышелъ изъ комнаты. Я стоялъ у окна и слышалъ и видѣлъ все.

— Будь, что будетъ! сказала Надиръ самъ себя, сѣвши задумчиво за столъ. Если эти игры съ пастухомъ дѣлаютъ тебя счастливымъ, то тѣмъ лучше!.. Завтра же я прикажу привести его сюда и вы будете играть здѣсь вмѣстѣ. Видно, общеніе съ себѣ подобнымъ дѣйствуетъ гораздо лучше, чѣмъ всѣ доктора и лекарства въ мірѣ!

На слѣдующій день мой повелитель послалъ за пастушкомъ. Но его на лугу уже не оказалось. Его ослы и овцы бродили по травѣ одни и только двѣ большія собаки охраняли его небольшое стадо. Мнѣ было скучно безъ Ирзеба, я уже успѣлъ его полюбить и потому отправился по его слѣдамъ къ нему на домъ. У насъ, слоновъ, чутье лучше, чѣмъ у собакъ, и потому для меня не составило большого труда найти его жилище. Я шелъ, обнюхивая хоботомъ каждый его вчерашній шагъ, и верстъ черезъ десять добрелъ до рыбацкой хижины, оди-

ноко стоявшей на берегу. Подойдя къ ней, я отворилъ хоботомъ щеколду на двери и просунулъ морду внутрь. На лавкѣ лежалъ больной Ирзебъ, а около него сидѣли его отецъ и мать.

— Это онъ простудился! говорилъ его отецъ.—Онъ скоро будетъ здоровъ!

А его мать качала головой и все повторяла:—Бѣдный мальчикъ! Бѣдный мальчикъ!

Заслышавъ меня, они оба вздрогнули и обернулись. Каково же было мое удивленіе, когда въ этомъ рыбацкѣ я вдругъ узналъ того самаго человѣка, который одиннадцать лѣтъ тому назадъ, когда я утопалъ въ тинѣ, взялъ у меня изъ хобота ребенка и увезъ его къ себѣ! Неужели-же этотъ Ирзебъ былъ старшимъ сыномъ моего повелителя, неужели это былъ тотъ самый Бабуръ, котораго хотѣлъ когда-то утопить жадный и злой Абдерраманъ? И не помня себя отъ радости, я побѣжалъ скорѣе домой, къ себѣ, во дворецъ своего повелителя, и сталъ тамъ рассказывать по своему всѣмъ, что я нашелъ нашего наслѣдника, но меня не понималъ никто. Вокругъ меня ходили, приглядывались ко мнѣ, похлопывали меня ладонями по бокамъ и говорили:

— Нашъ Джимбо чего-то хочетъ!.. Нашъ Джимбо чѣмъ-то взволнованъ!

Но никто не хотѣлъ и не могъ догадаться, чѣмъ я былъ взволнованъ. О, что если-бы мы обладали дарованіемъ говорить, какъ люди! При нашей удивительной памяти, при нашей долговѣчности и умѣ, мы могли бы тогда писать цѣлыя исторіи народовъ такъ, какъ не можетъ теперь писать ни одинъ человѣкъ!

И, выждавъ, когда Сеннахора вынесли на слѣдующій день гулять, я подбѣжалъ къ его паланкину, выхватилъ его оттуда и посадилъ его къ себѣ на голову. Всѣ негры обезумѣли отъ страха, а я, не помня себя отъ радости, вмѣстѣ съ Сеннахоромъ помчался къ хижинѣ рыбака.

— Сейчасъ ты увидишь своего родного брата! говорилъ я ему дорогой.—Ты знаешь, что Ирзебъ твой родной братъ? Впрочемъ, ты этого не узнаешь никогда!

Бѣдняжка въ страхѣ сидѣлъ на моей головѣ и, какъ тростникъ, качался изъ стороны въ сторону и боялся, какъ бы не упасть. Но я держалъ голову такъ, что онъ не могъ съ нея упасть, и полчаса спустя, мы были уже около хижины рыбака. Мы вѣдь бѣгаемъ по двадцати верстѣ въ часъ.

Заслышавъ насъ, къ намъ выбѣжали навстрѣчу рыбацъ и его жена.

— Это сынъ нашего повелителя! воскликнули они, увидавъ Сеннахора.—Это его слонъ!

Я спустилъ Сennaхора на землю. Онъ вбѣжалъ въ хижину и скоро радостный, веселый отъ неожиданности, вывелъ за руку на улицу Ирзеба. Маленькій пастушокъ былъ теперь совсѣмъ здоровъ.

— Что съ тобой было? спросилъ его Сennaхоръ.—Отчего ты вчера не приходилъ?

— Я былъ болѣнъ, отвѣтилъ Ирзебъ.—У меня болѣлъ животъ.

— Отчего-же ты не далъ намъ знать? Мы прислали бы къ тебѣ врача!

— Ну, что вы, что вы! вдругъ вмѣшался въ разговоръ рыбакъ.— Въ нашемъ-ли положеніи приглашать къ себѣ докторовъ? Мы люди простые, пройдетъ и такъ!

И Сennaхору вѣроятно пришло на умъ, сколько-бы хлопотъ произошло у него во дворцѣ, если-бы онъ заболѣлъ хотя тѣмъ-же животомъ, и сколько было-бы приглашено врачей и принято внутрь лекарствъ! И взявши за руку Ирзеба, онъ подвелъ его ко мнѣ.

— Ну, что-жъ, Джимбо, обратился онъ ко мнѣ.—Поѣдемъ теперь домой!

Я усадилъ ихъ обоихъ къ себѣ на голову и мы помчались къ себѣ домой.

Съ этого дня начались совмѣстныя игры Сennaхора и его брата Ирзеба. Впрочемъ, никто такъ и не узналъ, что это былъ его родной братъ. Объ этомъ знали только я одинъ, но никто меня не

понималъ и всѣ считали пастуха чужимъ. Каждое утро Сennaхоръ выходилъ съ Ирзебомъ гулять. Ихъ сопровождали одинъ изъ рабовъ и я. Не ходившій никогда пѣшкомъ, привыкшій къ нѣгѣ и къ мягкимъ шелковымъ подушкамъ и пропитанному фиміамомъ воздуху, Сennaхоръ теперь бѣгалъ взапуски взадъ и впередъ и запахъ отъ цвѣтовъ казался ему лучшимъ ароматомъ въ мірѣ. Все его удивляло и приводило въ восторгъ. Онъ задавалъ Ирзебу тысячи вопросовъ, и тотъ, какъ умѣлъ, объяснялъ ему о цвѣтахъ, о деревьяхъ, о звѣряхъ. Книга жизни развертывала передъ нимъ страницу за страницей, и чѣмъ дальше онъ ихъ читалъ, тѣмъ все болѣе и болѣе открывалось передъ нимъ чудесъ. Чтобы не стѣсняться въ движеніяхъ, онъ снялъ съ себя богатый костюмъ и надѣлъ простенькія рубашку и штаны; чтобы всегда находить вкусъ въ пиццѣ, онъ по малу и порѣже сталъ ѣсть. Ирзебъ научилъ его играть на свирѣли, лазать по деревьямъ, купаться и нырять. И съ каждымъ днемъ Сennaхоръ все больше и больше чувствовалъ въ себѣ возрожденіе и все крѣпче и нѣжнѣе привязывался къ своему брату, котораго все еще продолжалъ считать для себя чужимъ.

— А видалъ-ли ты, Сennaхоръ, хоть разъ, какъ обрабатываютъ землю? обратился однажды Ирзебъ

къ своему брату.—Знаешь-ли ты какъ добывается хлѣбъ, который ты ѣшь, и кто дѣлаетъ для тебя одежду, вотъ эти сапоги, и бьетъ тѣ камни, по которымъ ты ступаешь ногами? Видѣлъ-ли ты хоть разъ, какъ живутъ тѣ люди, которые выстроили для тебя домъ?

И онъ повелъ своего друга и брата по деревнямъ и показалъ ему, какъ живутъ тѣ, кто всю свою жизнь проводятъ въ тяжкомъ трудѣ. И вездѣ Сеннахоръ встрѣчалъ бодрую жизнь, веселый смѣхъ и пѣсни и ему казалось страннымъ, что эти люди могли радоваться, несмотря на нищету.

— Почему имъ такъ весело? задавалъ онъ вопросы Ирзебу.— Отчего они довольны и поютъ?

— Это оттого, отвѣтилъ ему бывшій пастухъ, что они живутъ просто и цѣлые дни проводятъ въ трудѣ.

— Такъ давай трудиться и мы!

На слѣдующій-же день они оба принялись за ученье. Къ нимъ были приглашены лучшіе учителя и съ этихъ поръ для нихъ началась сознательная, трудовая жизнь...

Старый слонъ умолкъ. Молодые слоны все еще стояли вокругъ него и ожидали отъ него продолженія разсказа.

— Ну, и что-же было потомъ? нарушилъ, наконецъ, молчаніе одинъ изъ нихъ.— Что случилось потомъ съ твоимъ повелителемъ и его сыновьями?

Старый слонъ вздохнулъ.

— Мой повелитель скоро умеръ, отвѣтилъ онъ,—ему наслѣдовалъ его сынъ Сеннахоръ, который отпустилъ на волю всѣхъ рабовъ и сталъ жить, какъ простой смертный. Онъ сталъ своимъ трудомъ зарабатывать себѣ хлѣбъ, и счастливѣе его не было никого на землѣ..

— А Ирзебъ?..

— Ирзебъ все время былъ съ нимъ. Они распродали всѣхъ своихъ лошадей и слоновъ, но меня оставили при себѣ. Я не носилъ уже больше на себѣ шелковыхъ покрываль, дорогихъ персидскихъ ковровъ и на моей уздечкѣ не блистало уже больше драгоценныхъ камней. Но за то я качалъ въ колыбели ихъ дѣтей, пахалъ ихъ поле, возилъ на себѣ тяжести и трудился въ потѣ лица, такъ-же, какъ и они, и трудомъ зарабатывалъ себѣ пропитаніе. Я былъ счастливъ безконечно, какъ не былъ счастливъ еще никогда за всю свою жизнь, потому что жилъ просто и работалъ на тѣхъ, кого любилъ.

И онъ смолкъ уже совсѣмъ. Молодые слоны тоже молчали и ихъ тяжелая, трудовая жизнь на пользу людей уже не казалась имъ такой грустной и безнадежной впереди, какою представлялась до сихъ поръ. Вѣдь всѣ они такъ любили людей!

Н. Н.

ВЪ ДОЖДЬ.

Туманны дни, ненастны ночи,
Осенній дождь стучить въ стекло,
Деньки становятся короче
И лишь на солнышкѣ тепло.

Поля ужъ убраны. Плугами
Ужъ взрыты борозды земли
И высоко подь облаками
Кричатъ тоскливо журавли.

Такъ грустно стало все на нивахъ,
Лишь бродить тамъ унылый скотъ,
Да вѣтеръ въ бѣшенныхъ порывахъ
Про зиму скорую поетъ.

Дороги грязны, всюду лужи,
Вѣлѣтъ иней по утрамъ
И отъ осенней, острой стужи
Такъ неуютно, забко намъ.

Но вотъ несутъ двойныя рамы
И начинаютъ ихъ вставлятъ...
О, лѣто милое, когда мы
Съ тобою встрѣтимся опять?.,

Кузнечикъ.

О Д Н И.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Послѣ двухъ-трехъ ясныхъ солнечныхъ дней настали дожди. Каждое утро Вѣрочка и Коля просыпались подь однообразный шелестъ дождя о листья деревьевъ, а по вечерамъ засыпали подь частое монотонное журчанье воды въ угловомъ жолобѣ. Не прекращаясь ни на минуту, дождь все шелъ и шелъ и дѣти цѣлыми днями должны были просиживать въ комнатѣ. Иногда онъ переходилъ

въ ливень. Капли звонко стучали по стекламъ и деревья съ шумомъ низко пригибались къ землѣ. Дѣти сидѣли у окошка, по цѣлымъ часамъ молчали, глядѣли, какъ черезъ дворъ пробѣгала иногда какая нибудь женщина или какъ свинья съ поросятами входила въ лужу и ложилась въ ней на бокъ. Они не взяли съ собой книгъ, имъ нечего было у бабушки читать и мадмуазель Амели рассказывала

Richard Steibel

— Что у вас болит? —

Огненная Земля въ Южной Америкѣ.
Когда заходитъ солнце, то оно окрашиваетъ скалы на этомъ островѣ въ ярко-красный цвѣтъ, почему островъ и получилъ названіе Огненной Земли.

имъ длинныя исторіи о феяхъ, карликахъ и великанахъ, или-же вмѣстѣ съ ними мечтала, какъ она поѣдетъ къ себѣ въ Швейцарію, когда они выростутъ большими, и какъ будетъ о нихъ вспоминать.

— Я буду жить у себя въ Брусси, говорила она, — и буду ожидать отъ васъ писемъ... Вы будете ко мнѣ писать? Тогда Вѣрочка будетъ уже замужемъ, а Коля будетъ тоже большой... Онъ будетъ офицеръ!

И всѣ втроемъ, они старались приподнять завѣсу будущаго и хоть однимъ глазкомъ заглянуть черезъ нее и увидѣть то, что ожидало ихъ впереди.

Дурное настроеніе отъ непрерывнаго дождя увеличивалось еще плохимъ здоровьемъ бабушки. Она занемогла. Всю ночь дѣти слышали сквозь сонъ ея кашель за стѣнкой и когда она утромъ выходила къ нимъ, то на ней не было лица. Не смотря на конецъ весны, стало холодно и изо рта у дѣтей шель паръ. Они нарочно дышали такъ, чтобы его было видно, и это ихъ забавляло. Бабушка приказала затопить печи. Такъ продолжалось цѣлыя двѣ недѣли. Затѣмъ прояснѣло, тучи клочьями расплзлись въ разныя стороны бѣлаго свѣта и опять засвѣтило солнце, защелкали соловьи, закричали лягушки, засуетились около скворешень скворцы, и дѣти снова забѣгали по дорожкамъ сада, но ба-

бушка уже не встала съ постели. Она захворала серьезно. Приѣзжалъ изъ земской больницы врачъ, приказалъ ставить ей на всю грудь компрессы и давать какіе-то порошки, но бабушка продолжала кашлять непрерывно и все больше и больше, и Игнатъевна уже не выходила изъ ея комнаты и день и ночь сидѣла около ея кровати и читала ей вслухъ Евангеліе. Бабушка лежала на спинѣ, глядѣла на потолокъ, часто крестилась и иногда глубоко-глубоко вздыхала.

— Ахъ, бѣдныя дѣти, несчастныя сироты!.. говорила она. — На кого они теперь останутся?

А Вѣрочка и Коля, да и сама мадмуазель, охваченные со всѣхъ сторонъ пышной, созидающей весной, почувствовавъ сразу счастье свободы, о которомъ они даже и не смѣли мечтать, какъ-то не замѣчали, что бабушка была очень больна, да и сама бабушка, когда они приходили къ ней, старалась показать имъ, что ей уже вовсе не такъ худо, и она черезъ силу улыбалась на ихъ веселую болтовню.

— Что ихъ беспокоить?.. говорила она Игнатъевнѣ. — Пусть ихъ радуются и щебечутъ!..

Но болѣзнь дѣлала свое дѣло и какъ-то ночью, послѣ сильнаго, продолжительнаго кашля, бабушка вскочила, окликнула задремавшую Игнатъевну и приказала ей подать ей бумагу и перо.

— Скорѣй! сказала она. — Придвинь сюда столъ! Вотъ такъ!

Игнатъевна торопилась, съ проконья все валилось у нея изъ рукъ, но кое-какъ, она собрала письменныя принадлежности и подала ихъ бабушкѣ.

— Дай очки!

Игнатъевна подала очки и придвинула поближе огонь. Бабушка обмакнула въ чернила перо и стала писать письмо.

„Дорогой Сергѣй, — написала она, — я, кажется, долго не проживу. Господь, продлившій мою жизнь до семидесяти двухъ лѣтъ, призываетъ меня. Я съ покорностью и благоговѣніемъ готовлюсь предъ Нимъ предстать, но мнѣ жаль твоихъ дѣтей Вѣрочку и Колю. Ты въ дальнемъ плаваніи, ихъ мать умерла. На кого они останутся, когда умру и я? Я тебѣ двоюродная тетка, слѣдовательно, для твоихъ дѣтей почти чужая и послѣ моей смерти все перейдетъ къ моему брату Семену. Умоляю тебя, вернись скорѣе въ Россію, приѣзжай скорѣе ко мнѣ и устрой своихъ дѣтей, пока я еще жива. Вообрази себѣ весь ужасъ ихъ положенія, когда они останутся одни. Твоя тетка Лидія“.

Ей стоило большого труда написать это письмо. Дрожавшими руками она вложила его въ конвертъ, запечатала, приказала Игнатъевнѣ разбудить кучера Егора и призвать его къ себѣ. Сон-

ный, едва понимавшій, въ чемъ дѣло, къ ней явился среди ночи Егоръ. Она опять надѣла очки и, какъ смогла, уставшею уже рукой, написала на конвертѣ адресъ:

„Англія, Кардифъ. Командиру шкуны „Надежда“, капитану Сергѣю Орлову.“

— На вотъ, возьми это письмо, обратилась она къ Егору, — скажи скорѣе на станцію и опусти его въ почтовый поѣздъ!

Егоръ взялъ отъ нея письмо, поклонился и ушелъ.

На другой день вечеромъ она послала къ Сергѣю Гавриловичу срочную телеграмму: „Вернись“. Но онъ такъ и не вернулся. Телеграмма уже не застала его въ Англіи, а письмо такъ и осталось въ въ Кардифѣ ожидать, не приѣдетъ-ли онъ туда когда-нибудь еще. А въ это время онъ качался по волнамъ Атлантическаго океана, плыль съ грузомъ угля на югъ, думалъ о дѣтяхъ, но вовсе и не подозрѣвалъ, что они такъ скоро останутся одни. А они черезъ два дня остались одни.

Мѣсяцъ спустя, въ бабушкинъ хуторъ приѣхалъ ея братъ Семень Петровичъ, завелъ новые порядки, перемѣнилъ прислугу, рассчиталъ Игнатъевну, которая прожила тамъ цѣлые сорокъ лѣтъ, и наконецъ пригласилъ къ себѣ и мадмуазель Амели.

— Мадмуазель, обратился онъ къ ней, — я очень хотѣлъ-бы знать,

какъ вы намѣрены теперь поступить? Что вы теперь намѣрены дѣлать съ дѣтьми.

Она опустила глаза.

— Я полагала, мосьѣ, отвѣтила она, — что вы, какъ ихъ дальній родственникъ, пріютите ихъ здѣсь!..

Семень Петровичъ пожалъ плечами.

— Но вѣдь у нихъ есть родной отецъ!.. продолжалъ онъ.

— Что-жъ изъ того, мосьѣ? возмutilась мадмуазель Амели.— Но онъ въ дальнемъ плаваніи и не можетъ вернуться сюда сейчасъ-же, чтобы взять отъ васъ своихъ дѣтей!

— Это меня не касается!.. крикнулъ Семень Петровичъ и заложивъ руки въ карманы, прошелся изъ угла въ уголъ по комнатѣ.

— Кого-же это касается, мосьѣ?..

— Полагаю, что васъ, мадмуазель!.. Дѣти ввѣрены вамъ и вы должны были-бы ранѣе предвидѣть все и позаботиться о нихъ!

Вѣрочка и Коля слышали этотъ разговоръ изъ сосѣдней комнаты и пріуныли. Послѣ похоронъ бабушки они сразу-же почувствовали, что почва выскользнула у нихъ изъ подъ ногъ, и стали все чаще и чаще задумываться о своей судьбѣ. И теперь, когда къ нимъ вошла, полная негодованія, мадмуазель Амели и когда они увидѣли на ея щекахъ слезы обиды за дѣтей, то они бросились къ ней и стали плакать. Наплакавшись до

сыта, они сѣли всѣ втроемъ въ уголъ и долго молчали.

Заходило солнце и красное пламя заката ворвалось въ комнату черезъ окно и окрасило въ оранжевый цвѣтъ противоположную стѣну и печь. Мычало возвратившееся стадо, было опять холодно, и галки полчищемъ летали надъ хуторомъ и кричали. Кругомъ все было какъ-то непривѣтно, чуждо, точно на чужой сторонѣ, и всѣмъ троемъ показалось какъ-то одиноко - одиноко и безнадежно впереди.

— Бѣдная бабушка!.. вздохнулъ Коля.— Если-бы она была жива, то намъ до сихъ поръ было-бы хорошо!

Всѣ трое, въ томъ числѣ и французенка - гувернантка, поглядѣли на образъ и набожно перекрестились.

— Теперь она глядитъ съ неба на насъ, сказала Вѣрочка, — и ей насъ жаль..,

— Пойдемте на ея могилу! вдругъ воскликнулъ Коля.

— Пойдемте!

И всѣ втроемъ пошли на кладбище. Оно находилось въ верстѣ отъ хутора. Дулъ встрѣчный вѣтеръ и у Вѣрочки то и дѣло выбивались изъ-подъ ленточки волосы и мѣшали ей глядѣть впередъ. Оранжевый закатъ солнца теперь уже превратился въ темно-розовый и охватилъ собою всю половину неба. И деревья, и хатки,

попадавшіяся на пути, и скромные бѣлые кресты на кладбищѣ — все это было окрашено въ розовый цвѣтъ и казалось какимъ-то чужимъ и холоднымъ, въ полѣ давно уже былъ сжатъ хлѣбъ и стоялъ въ скирдахъ и это придавало еще больше одиночества и безъ того одинокому кладбищу.

— Завтра будетъ вѣтеръ! сказала Вѣрочка.—Все небо красное!..

Они вошли въ кладбище, постояли безмолвно около свѣжей бабушкиной могилки, перекрестились и пошли назадъ. Когда они возвратились на хуторъ, то Семень Петровичъ съ семьей уже отужинали и, несмотря на раннюю пору, укладывались уже спать.

— Мнѣ хочется кушать! искренно сказалъ Коля.

Мадмуазель вышла въ столовую, чтобы узнать, скоро-ли будетъ ужинъ. Заслышавъ изъ сосѣдней комнаты ея шаги, Семень Петровичъ просунулъ къ ней въ дверь голову и сказалъ:

— Вы прогуляли вашъ ужинъ! Отдѣльно вамъ не подадутъ!

И онъ плотно затворилъ за собою дверь. Она поняла, что теперь она и дѣти были въ этомъ домѣ лишними, и молча пошла на кухню. Тамъ она отрѣзала три ломтя чернаго хлѣба, посыпала ихъ солью, сходила на погребъ, взяла кувшинъ молока и принесла все это къ себѣ въ комнату. Накормивъ дѣтей и поѣвъ сама, она

уложила Вѣрочку и Колю спать и, выждавъ когда они заснули, написала къ дядѣ — Митѣ и тетѣ — Сонѣ письмо, въ которомъ умоляла взять дѣтей хоть на время къ себѣ.—„Я уѣду къ себѣ въ Швейцарію, писала она,—я не смѣю и не буду васъ стѣснять, но пожалѣйте несчастныхъ сиротъ дѣтей и приютите ихъ у себя только до возвращенія ихъ отца. Я обращаюсь къ вамъ, какъ къ единственнымъ людямъ, которые могли бы ихъ пожалѣть, и жду отъ васъ отвѣта. Ихъ жизнь здѣсь стала невыносимой. Имъ не даютъ уже здѣсь ѣсть“.

Она сама снесла это письмо въ ближайшее волостное правленіе и съ нетерпѣніемъ ожидала на него отвѣта. Шестъ дней спустя, Семень Петровичъ, получивъ почту, передалъ ей какое-то письмо. Это былъ отвѣтъ дяди Мити. Сердце у нея забилося. Она распечатала его, щеки ея вспыхнули, потомъ она поблѣднѣла и встала изъ-за стола.

— Что съ вами, мадмуазель? обратилась къ ней Вѣрочка. — Вамъ не хорошо?

— Нѣтъ, ничего... отвѣтила она.—Я такъ!..

И, скомкавъ письмо, она подбѣжала къ печкѣ и бросила его въ огонь.

— Довольно! вдругъ крикнула она и глаза ея засверкали гнѣвомъ. — Я больше не могу выно-

силь этого равнодушія къ чужому горю! Я больше не желаю оставаться здѣсь, гдѣ васъ ненавидятъ, морятъ голодомъ и каждую минуту даютъ вамъ понять, что вы чужіе! Довольно!..

И она громко зарыдала.

Дѣти испугались, подбѣжали къ ней и тоже стали плакать.

— Мадмуазель, милая, дорогая, душечка! лепетали они.—Успокойтесь, пожалуйста! Не плачьте!..

Но мадмуазель Амели не унилась.

— Это не люди, кричала она,— а какіе-то бездушные камни! Одни прямо чуть не выбрасываютъ васъ на улицу, какъ щенковъ, а другіе пишутъ, что вы ихъ и безъ того уже достаточно стѣсняли.. Довольно!.. Я больше уже не могу!.. Я не желаю оставаться здѣсь ни одной минуты!

Она бросилась къ себѣ на кровать, уткнула лицо въ подушку и по вздрагиванію ея плечей дѣти догадались, что она продолжала горько плакать. Они стояли около нея, переглядывались грустными большими глазами и то и дѣло повторяли:—

— Мадмуазель, не плачьте!.. Мадмуазель не надо!..

Наплакавшись до - сыта, она быстро вскочила, достала изъ угла чемоданъ и быстро-быстро стала укладывать въ него свое бѣлье.

— Вѣрочка! Коля! обратилась

она къ дѣтямъ. — Помогайте мнѣ! Укладывайте сюда и свое!

Не понимая, въ чемъ дѣло, они стали хвататься то за одно, то за другое.

— Мы ѣдемъ? спросили они.— Мы отсюда уѣзжаемъ?

— Да! коротко отвѣтила она.

— Куда?

— Ко мнѣ въ Швейцарію! Я увезу васъ обоихъ къ себѣ!..

Боже мой, въ Швейцарію! Дѣти поѣдутъ за границу! Неужели мадмуазель не шутитъ и дѣйствительно повезетъ ихъ къ себѣ. И, непостоянные, какъ дѣти, Вѣрочка и Коля вдругъ какъ-то сразу позабыли о своемъ горѣ, о своихъ недавнихъ слезахъ, и уже прыгали отъ восторга, суетились и мечтали о томъ, какъ они поѣдутъ такъ далеко. Укладка вещей продолжалась до вечера. Все время мадмуазель Амели хмурилась, молчала, неохотно отвѣчала на вопросы дѣтей и, выждавъ, когда они улеглись спать и заснули, заперла на ключъ дверь, задернула занавѣски и достала изъ комода свою завѣтную сумочку. Тамъ у нея хранились ея себреженія. Это было все, что она заработала за эти три года неволи и тяжкихъ трудовъ въ чужой семьѣ. Она высыпала всѣ деньги на кровать и стала считать. Сосчитавъ, она подняла голову, долго смотрѣла на потолокъ и что-то соображала.

— Хорошо!.. сказала она нако-

пить.—До Швейцаріи съ насъ хватить! Мы поѣдемъ въ третьемъ классѣ, всю дорогу не будемъ обѣдать, но это ничего! Только бы доѣхать до дома!..

И собравъ свои деньги, она снова уложила ихъ въ сумочку и спрятала въ комодъ. Затѣмъ она легла спать. Ей снились ея родина, высокія, заходящія за облака, горы и вѣчные снѣга на ихъ вершинахъ. Она видѣла во снѣ свои родныя озера, водопады, тучныя пастбища и пестрыхъ, добродушныхъ коровъ, позвякивавшихъ своими бубенцами и мирно щипавшихъ траву. И когда она проснулась утромъ, то ей такъ вдругъ захотѣлось къ себѣ на родину, гдѣ она не была уже болѣе трехъ лѣтъ, что отъ удовольствія она стала вдругъ смѣяться. Дѣти еще спали, до поѣзда было времени еще достаточно, и она лежала на постели и думала о своихъ.

— „Должно быть, моя мать теперь уже совсѣмъ сѣдая, а сестренка Марія-Жанна выросла уже большая... Интересно, что подѣлываетъ теперь нашъ сосѣдь-старый Жакъ? Все такъ-же ли онъ водить путешественниковъ въ горы, туда, гдѣ никогда не таютъ снѣга? А наша собака Мистраль? Должно быть, тоже уже достаточно постарѣла... Милый, добрый, отважный песъ! Сколько разъ, въ глухую осеннюю пору, онъ чуялъ издалека, что въ горахъ погиба-

ютъ въ снѣгахъ люди, бѣжалъ къ нимъ на помощь и спасалъ ихъ!..“.

И чѣмъ дольше она думала о своихъ, тѣмъ все болѣе и болѣе ей хотѣлось домой и ей уже стало казаться страннымъ, какъ это она могла до сихъ поръ жить такъ далеко отъ Швейцаріи и если-бы теперь ее даже и удержали въ Россіи силой, то все равно она вырвалась-бы и убѣжала.

Въ двѣнадцать часовъ она наварила на дорогу яицъ, напекла пирожковъ, взяла чаю и сахару и всѣ втроемъ они отправились въ далекій путь. Семень Петровичъ не далъ имъ своей лошади и они наняли простую мужицкую телѣгу и поплелись на ней на станцію. Подобравъ подъ себя ножки, они сидѣли въ телѣгѣ на сѣнѣ, подсакивали на немъ отъ выбоинъ въ дорогѣ и кочекъ, но имъ было весело и вовсе не было жаль, что они покидали этотъ ласковый для нихъ когда-то бабушкинъ хуторъ. Проѣзжая мимо кладбища, они увидали издалека бѣлый крестъ, остановились, перекрестились и поѣхали дальше. Тихая грусть набѣжала на нихъ и гувернантѣ вдругъ показалось страшнымъ, что она везла чужихъ дѣтей такъ далеко.

— „Хорошо-ли я дѣлаю?“ подумала она.—„Будетъ-ли имъ хорошо и у насъ?“.

Но она посмотрѣла на дѣтей и чувство необыкновенной привя-

Возвращеніе моряка домой.

Дѣвочки изъ Голландіи.

занности къ нимъ наполнило вдругъ ея душу. Развѣ она можетъ разстаться съ ними? Развѣ она способна бросить ихъ однихъ? И, притянувъ ихъ обоихъ къ себѣ поближе, она прижала ихъ къ себѣ и они долго еще ѣхали обнявшись и мечтали о томъ, что ожидало ихъ впереди.

Но вотъ и станція. Грязно. Пахнетъ махоркой. Прямо на полу сидятъ мужики съ котомками, съ топорами и съ пилами и ожидаютъ поѣзда. Мадмуазель и дѣти отыскиваютъ для себя мѣстечко поудобнѣе и садятся. Идетъ дождь и сквозь ползущія по стекламъ капли виднѣются товарные вагоны, въ которые мокрыя бабы грузятъ мокрыя дрова. Проходитъ мимо сторожъ въ клеенчатомъ пальто. Вотъ прошелъ мужикъ, надѣвши мокрую рогожу на голову. А тамъ вдаль, за вагонами, виднѣется побурѣвшій отъ дождя некрашенный трактиръ и въ немъ слышны голоса мужиковъ и звуки гармоники. И все кажется кругомъ мокрымъ, липкимъ и скользкимъ и отъ того, что такъ низко нависли тучи, кажется, что здѣсь никогда не свѣтитъ солнце.

Проходятъ мучительные полтора часа, вечерѣетъ, и тамъ и сямъ на линіи зажигаются огни. Буфетчикъ начинаетъ приводить въ порядокъ свои бутылки и рюмки и тоже зажигаетъ лампу. Два служителя вносятъ громадный самоваръ и онъ

тотчасъ наполняетъ всю комнату чадомъ. Значитъ, теперь уже скоро придетъ поѣздъ.

— Уфъ, какъ мнѣ надоѣло ждать! говоритъ Вѣрочка.

Но вотъ приходитъ и поѣздъ. Мадмуазель Амели, Вѣрочка и Коля берутся за свои вещи и направляются къ выходу. Точно по щучьему велѣнью, вся масса пильщиковъ и рабочихъ вскакиваетъ вдругъ со своихъ мѣстъ и живою лавиной тоже бросается къ поѣзду. Начинается давка. Кое-какъ мадмуазель высвобождаетъ дѣтей изъ толкотни и выводитъ ихъ на платформу.

— Идите въ задніе вагоны! кричитъ на мужиковъ кондукторъ. — Говорятъ-же вамъ — въ задніе вагоны! Куда вы лѣзете?

Мадмуазель вводитъ дѣтей въ вагонъ. Свободно. Пахнетъ свѣжей краской и послѣ станціонной духоты и грязи, кажется чисто и уютно. Они занимаютъ мѣстечки у оконъ и имъ не вѣрится, что наконецъ кончились ихъ ожиданья.

Трогается поѣздъ, длинной, нескончаемой лентой тянутся мимо оконъ лѣса, поля и деревни, а затѣмъ наступаетъ ночь и все утопаетъ въ ея безпросвѣтной глубинѣ. Продолжаетъ идти дождь и на стеклахъ оконъ выступаетъ потъ. Коля протираетъ стекло, долго смотритъ черезъ него, не видитъ ничего и забивается въ уголокъ. Онъ уже усталъ.

— Давайте спать! говоритъ мадмуазель Амели.

Они достаютъ свои пожитки, ѣдятъ яйца и пирожки и укладываются спать.

Въ вагонѣ — только они одни. Тихо. Слышно, какъ дождь стучитъ по крышѣ и какъ гремятъ колеса. Дѣти крѣпко спятъ, а мадмуазель то и дѣло просыпается, хватается за свою сумочку, и засыпаетъ опять.

На вторыя сутки, на разсвѣтѣ, они подъѣзжаютъ къ границѣ. Сѣренькое утро. Входитъ жандармъ, отбираетъ у всѣхъ паспорта и уходитъ. Поѣздъ останавливается у станціи. Пассажиры мѣняются у высокаго сѣдобородаго еврея свои деньги на иностранныя и снова входятъ въ вагоны. Раздается свистокъ и поѣздъ медленно отправляется въ путь. Появляется снова жандармъ и возвращаетъ пассажирамъ ихъ паспорта. Сейчасъ будетъ граница.

— Смотрите, смотрите, дѣти! обращается къ Вѣрочкѣ и къ Колѣ мадмуазель Амели.—Эта рѣчка и есть граница! Мы переѣдемъ ее сейчасъ и будемъ уже въ Германіи!

Дѣти бросаются къ окну. Поѣздъ въѣзжаетъ на мостъ и они видятъ подъ собой сѣрую, мутную рѣчку. По эту сторону ея стоятъ русскіе солдатики со штыками, а по ту—нѣмецкіе въ каскахъ и въ черныхъ шинеляхъ. Мостъ оста-

ется позади. Прощай, Россія!.. Мадмуазель суетится, начинаетъ укладывать вещи, боится, какъ-бы не опоздать... Сейчасъ пересадка въ нѣмецкій поѣздъ.

Черезъ полчаса они уже сидятъ въ другомъ поѣздѣ и въ другомъ вагонѣ и мчатся по чужой, невѣдомой странѣ. Не слышно уже ни одного русскаго слова, по бокамъ тянутся хорошо воздѣланные поля, расчищенные лѣса и то тамъ, то сямъ виднѣются отдѣльные домики, бѣленькіе съ черепичными крышами и густо обросшіе деревьями. Встрѣчаются города, не сѣрые и унылые, съ убогими деревянными домишками, а веселые, каменные, съ красными черепичными крышами и съ чистыми мощеными улицами. Вѣрочка и Коля все время стоятъ у окна. Ихъ занимаетъ все: и станціи, и пассажиры, и эти города, — и они не вѣрятъ себѣ, что они за границей и заѣхали такъ далеко.

Въ шесть часовъ вечера они подъѣзжаютъ уже къ Берлину. Поѣздъ провозитъ ихъ черезъ весь городъ и они видятъ изъ вагона массы электрическихъ огней, которые движутся, прыгаютъ и мелькаютъ передъ глазами. А затѣмъ, когда они выходятъ изъ вагона и черезъ весь городъ ѣдутъ на другой вокзалъ, то со всѣхъ сторонъ ихъ охватываетъ шумная, дѣятельная жизнь, какой они не видали еще никогда. Экипажи, моторы и

велосипеды стремятся туда и сюда, толпы проходят живыми массами, взадъ и впередъ движутся по тротуарамъ, на вывѣскахъ магазиновъ вспыхиваютъ огненные слова и кругомъ раздаются возгласы газетчиковъ и торговцевъ. Все это кажется Вѣрочкѣ и Колѣ страннымъ, волшебнымъ сномъ.

— Мы не будемъ останавливаться въ Берлинѣ, говоритъ имъ мадмуазель Амели. — Чѣмъ скорѣе мы приѣдемъ домой, тѣмъ будетъ лучше...

И вотъ они опять сидятъ въ вагонѣ. Наступаетъ ночь. Усталые, они ложатся спать, а когда они просыпаются, то передъ ихъ взорами развертывается уже южная Германія. Встрѣчаются горы, сплошь поросшія густыми лѣсами, быстрыя рѣки, по которымъ плывутъ пароходы, поѣздъ то и дѣло проскакиваетъ сквозь туннели и когда вылетаетъ на воздухъ, то взорамъ дѣтей представляются старинные рыцарскіе замки, прилѣпившіеся на скалахъ, и имъ кажется, что вотъ-вотъ изъ нихъ выйдутъ сейчасъ одѣтые въ мѣдные панцири рыцари и затрубятъ въ трубы.

— А вотъ и Рейнъ! говоритъ мадмуазель. — Это самая большая рѣка въ Германіи.

Поѣздъ переѣзжаетъ черезъ рѣку и останавливается около большой станціи. Дѣти выходятъ погулять и имъ видны съ вокзала стран-

ныя, остроконечныя постройки города.

— Это Базель, говоритъ мадмуазель. — Сегодня мы будемъ уже дома...

Они опять садятся въ поѣздъ и ѣдутъ далѣе. Свѣтлая, серебристая гряда облаковъ показывается на горизонтѣ, а затѣмъ растетъ все высь и вширь и кажется, что это туча, которая закроетъ скоро небо и прольется дождемъ. Это — снѣговья вершины Альпъ. И чѣмъ ближе подходитъ къ нимъ поѣздъ, тѣмъ горы становятся все величественнѣе и грознѣе и тѣмъ прекраснѣе представляется картина. Дѣти по прежнему стоятъ у окна и не могутъ оторвать отъ нихъ своихъ глазъ, а мадмуазель смотритъ на нихъ и слезы крупными каплями текутъ у нея по щекамъ.

— Альпы!.. шепчетъ она. — Милыя, дорогія Альпы!.. Какъ давно я не видала васъ! Какъ я по васъ соскучалась!

Но вотъ уже Женева, вотъ прекрасное Женевское озеро, вотъ Монтрё, Территё, вотъ виднѣется внизу, у самой воды, Шильонскій замокъ, а вотъ уже поѣздъ входитъ и въ Ронскую долину. Громадныя массы заходящихъ за облака горъ сдвигаются по бокамъ, становится сумрачно и прохладно и дѣтямъ кажется, что они въѣхали въ страну великановъ, гдѣ люди и ихъ дома кажутся ничтожными игрушками. Все чаще и чаще по-

падаютъ туннели, слышится шумъ водопадовъ, срывающихся съ горъ, виднѣются деревни, точно ласточкины гнѣзда, прилѣпившіяся къ скаламъ, и облака спускаются такъ низко, что хочется просунуть изъ вагона руку и схватить ихъ за край. Поѣздъ то поднимается подъ самыя облака, то спускается внизъ, и наконецъ останавливается у Брига.

— Ну, вставайте, дѣтки! Прилѣхали! говоритъ мадмуазель Амели и выводитъ дѣтей изъ вагона.

Она радостно оглядывается по сторонамъ, глядитъ на вѣчные снѣга, которые теперь такъ освѣщены солнцемъ, что на нихъ больно смотрѣть, слышитъ доносящійся до нея благовѣсть съ городской колокольни и ей тоже кажется, что она во снѣ, и что все это она видитъ не наяву, а гдѣ-нибудь въ кинематографѣ или на хорошей картинѣ.

— Теперь намъ надо нанять лошадей!.. говоритъ она.

Они нанимаютъ двухъ-колесный экипажъ и ѣдутъ далѣе въ горы. Мимо нихъ стрѣлою мчится поѣздъ и скрывается въ нѣдрахъ громаднаго туннеля. Они поднимаются все выше и выше, туда, гдѣ растетъ высокая, тучная трава, гдѣ бродятъ добродушныя коровы и гдѣ такъ ласково выглядываютъ изъ зелени деревьевъ чистенькія, уютныя швейцарскія избушки. Съ шумомъ бѣгутъ по бокамъ дороги прозрачныя ручьи, далекіе снѣга

по прежнему ослѣпительно сіяютъ на солнцѣ и хмурое облако осѣло на ближайшую скалу и надулось, какъ парусъ...

— А вотъ и наша Брусси! вдругъ вскрикиваетъ мадмуазель и указываетъ дѣтямъ на деревушку, приютившуюся высоко-высоко чуть не подъ самыми облаками.— Тамъ живутъ мои мать и сестра!..

Полчаса спустя, они подлѣзжаютъ къ маленькому домику съ терраской, бѣгущей по всѣмъ его четыремъ сторонамъ. При ихъ приближеніи изъ домика выбѣгаетъ громадная рыжеватая собака и начинаетъ громко лаять.

— Мистраль! радостно кричитъ гувернантка. — Неужели ты меня не узнаешь?

Собака смотритъ на нее своими большими, умными глазами, узнаетъ ее и вдругъ съ громкимъ жалобнымъ визгомъ бросается къ ней на грудь. Она кладетъ ей переднія лапы на плечи и начинаетъ лизать ей щеки, руки, шею и виляетъ ей хвостомъ.

— Мистраль! Моя милая, дорогая собака, говоритъ мадмуазель.— Ты узналъ меня. Я такъ и знала, что ты не забудешь меня никогда.

На шумъ выходитъ какая-то старушка въ большомъ накрахмаленномъ чепцѣ.

— Мама! взвизгиваетъ мадмуазель Амели.

— Амели! вскрикиваетъ мать.— Какими судьбами?

И обѣ бросаются другъ къ другу на шею.

Онѣ плачутъ, около нихъ громко лаеетъ отъ радости Мистраль, а изъ сосѣдняго домика выходитъ дядюшка Жакъ и принимаетъ участие въ общемъ свиданіи. Вѣрочка и Коля стоятъ въ сторонкѣ и не знаютъ, что имъ дѣлать.

— А это что за дѣти? наконецъ спрашиваетъ мадмуазель Амели ея мать.

— Это несчастныя сироты, отвѣчаетъ она. — Имъ некуда дѣться и я привезла ихъ сюда.

— Бѣдняжки! вскрикиваетъ мать и подбѣгаетъ къ дѣтямъ. — Какіе хорошенькіе! Точно ангелочки! Веди-же ихъ скорѣе въ домъ и дай имъ чего-нибудь поѣсть!..

Всѣ входятъ въ домикъ. Чисто. Только что вымыты стѣны и полъ и ярко блистаетъ на полкахъ посуда. Въ углу — большой очагъ и на немъ кипитъ громадный мѣдный чайникъ. Всѣ усаживаются за столъ. Дядюшка Жакъ тоже садится вмѣстѣ съ ними и начинаются разспросы, что и какъ, и еще долго мадмуазель-Амели рассказываетъ имъ о своемъ жить-бытьѣ, о дѣтяхъ, обѣ ихъ роднѣ и о далекой чужбинѣ. Старушка слушаетъ ее, то и дѣло гладитъ по головамъ Вѣрочку и Колю и повторяетъ:—

— Бѣдныядѣти! Сколько имъ пришлось испытать! Дорогіе ангелочки!

Мадмуазель Амели узнаетъ, что ея сестра Марія-Жанна вышла замужъ, что добрый пасторъ Гренъе уже скончался и что по дорогѣ въ Италію стали часто случаться обвалы которые и засыпаютъ путниковъ въ снѣгу. А затѣмъ спустилась ночь, дядюшка Жакъ простился и ушелъ и еще долго дѣти видѣли въ окошко красныя снѣговыя вершины горъ. Это на нихъ отражался далекій закатъ.

— Ну, дѣти, теперь пора и спать! обратилась къ Вѣрочкѣ и Коля гувернантка.

Ихъ уложили въ отдѣльной комнаткѣ, укрыли ихъ перинками вмѣсто одѣяль, и дѣтямъ показалось, что они снова попали въ свое собственное гнѣздо, гдѣ имъ будетъ тепло и хорошо и гдѣ они уже не испытываютъ столько униженій и обидъ. Гувернантка ввела къ нимъ собаку и показала ей мѣсто въ углу.

— Слышишь, Мистраль? обратилась она къ ней. — Охраняй этихъ дѣтей! Теперь они наши и ты долженъ ихъ оберегать!

Собака усѣлась въ уголь и захлопала хвостомъ. Она поняла, чего отъ нея требовали, и стала зорко слѣдить за дѣтьми.

Гувернантка вышла. Было темно, кричалъ подъ печкой сверчокъ и слышно было, какъ гдѣ-то невдалекѣ шумѣлъ водопадъ.

Дѣти крѣпко спали.

М. Б—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Слово состоитъ изъ девяти буквъ и означаетъ то, чѣмъ ограждаютъ въ деревняхъ усадьбы и поля. Изъ этихъ его девяти буквъ, переставляя и повторяя ихъ по надобности, можно составить слѣдующія слова: 1) мѣру времени, 2) число, 3) названіе хищной птицы, 4) то, что есть почти въ каждой комнатѣ, 5) знакъ препинанія, 6) то, что есть на церквяхъ, 7) названіе птички, гнѣздящейся въ сараяхъ и подъ карнизами, 8) экипажъ для ручной перевозки тяжестей, 9) то, чѣмъ наводятъ блескъ, 10) то, что составляютъ собою лошади, волы, коровы и овцы.

II.

Названіе подмосковнаго города состоитъ изъ девяти буквъ. Изъ этихъ буквъ, переставляя и повторяя ихъ по надобности, можно составить слѣдующія слова: 1) то, что есть у человѣка и у животныхъ на головѣ, 2) хлѣбный злакъ, 3) то, чѣмъ жнутъ, 4) то, чѣмъ сжимаютъ мягкія вещи, какъ въ тискахъ,

5) то, что есть у птицъ, 6) то, чѣмъ стрѣляютъ, 7) то, чѣмъ пишутъ, 8) названіе недобросовѣстнаго человѣка, 9 и 10) то, что иногда бываетъ между людьми.

Какой это городъ?

III.

У мальчика болѣла нога и его долго не выпускали на дворъ. Но ему надоѣло сидѣть взаперти, онъ не послушался и выскочилъ на улицу. Была слякоть. Онъ отбѣжалъ по грязи далеко отъ дома, но, почувствовалъ боль въ ногѣ, поскользнулся и упалъ.

Отчего онъ побѣжалъ на улицу и почему онъ поскользнулся?

IV.

Задуманы три слова, означающія: 1) пѣвчую птицу, 2) душистый цвѣтокъ и 3) надоѣдливое насѣкомое, водящееся въ кухняхъ. Изъ первыхъ слоговъ этихъ трехъ словъ составить новое слово, первая часть котораго составляетъ ноту, а вторая — часть войска. Все цѣлое — названіе одинокаго человѣка. Какое это новое слово?

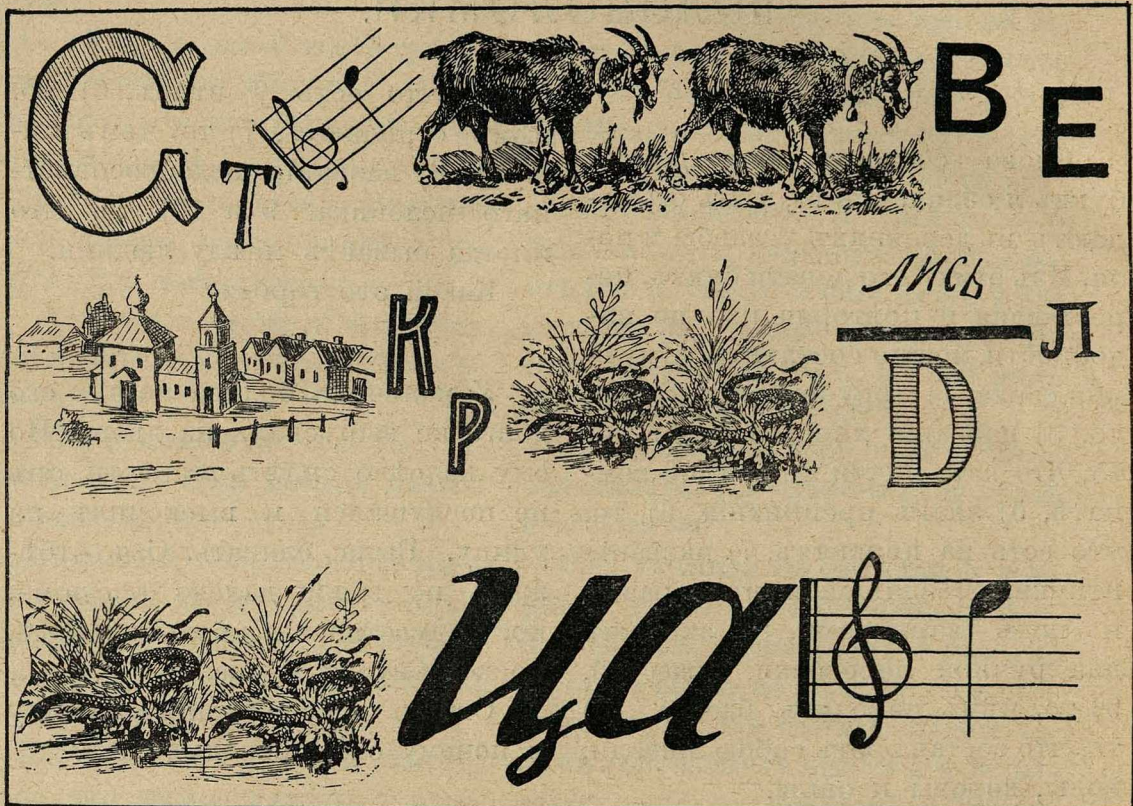
Очень рекомендуется! новая книга для дѣтей: **Цѣна 40 коп.** Съ пересылкой 55 коп.

„Дружокъ и Оомка“.

Повѣсть съ иллюстраціями.

Выписывать изъ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство».

Ребусъ № 21.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса, помѣщенныхъ въ № 20 «Золотого Дѣтства».

Головоломки: 1) **Капша, Лу́жа, Газета** = Калуга. 2) **Рука, море, сирота** = карета. 3) **Китай, Липа, барбарисъ** = кипарисъ, (кипа + рисъ). 4) **Кипарисъ, неводъ, малина, товаръ**, = кинемато + графъ = кинематографъ.

Ребусъ № 19. Ут + ромъ + на + листъ + очки + че + ре + мухи + осель + а + р + оса = Утромъ на листочки черемухи осѣла роса.

Впріямъ рѣшенія прислали: Коля Тихомировъ изъ Ц. Села, Женя Радинъ, Зина Ильина въ

СПБ., Ира и Юра Зубовскіе изъ Ц. Села, Красный чортикъ, Боба Уточкинъ, Гриша Гальпернъ изъ Иркутска, Юрій Беренсъ, Коля Лебедевъ, Катя Головачева, Коля и Сережа Павловы изъ Харькова, Музи Смирнова изъ Калуги, Вова Зенинъ изъ Пензы, Оля изъ Путиловки, Муся и Володя Визи, Сережа Лебедевъ изъ Зубцова, Вася Раевскій, Оеда Тулиновъ изъ Ефремова, В. Болтуновъ, Люся Ковальковская изъ Слободскаго, Е. А. Цѣшковскій, Вася Лукьяновъ изъ Евпаторіи, А. Цѣшковская, Шура, Петя и Кока Глубоковскіе, Павликъ Столбинъ изъ Кременчуга, Коля, Лена, Валя Смолявицкіе изъ Барановичъ, Маруся Крамаренко въ СПБ., Нина, Валя, Аня Нѣтунахины изъ Ржева, Галя и Жоржикъ Ротмистровы изъ Житомира, Николай Орловскій со ст. Сѣверской, Юрій Беренсъ въ СПБ., Спмочка Петрова изъ Суйды, Маруся Ваденшерна въ Жмеринкѣ, Женя Радинъ въ СПБ., Вячеславъ Васильевъ изъ Гатчины, Юрій Дурдинъ въ СПБ.

Годъ изданія пятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на

художественно-литературный журналъ

ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ),

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

≡ Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлечения проч. и проч.).
- 12 ВЪРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Книгу „ВЪ УЮТНОМЪ УГОЛКЪ“ (отдѣльными листами).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается для иногороднихъ подписчиковъ въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 22 и для городскихъ подписчиковъ въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга. Перемѣна адреса—28 коп. почтовыми марками.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Книга съ раскрашенными картинками
„СЪДАЯ СТАРИНА“

(Легенды о быломъ).

Соч. А. Гербертсонъ.

Рисунки Елены Страттонъ.

Цѣна 60 коп. съ пересылкой

Высылается по первому требованію
изъ редакціи „Золотое Дѣтство“
С.-Петербургъ, Каменноостровский пр., 22.